

ОТ АВТОРА

Все описанные в книге события происходили в действительности. В ряде случаев я изменила имена, и некоторые характерные черты героев, чтобы сохранить неприкосновенность их частной жизни и предоставить им возможность самим решать, рассказывать или не рассказывать об этой стороне своей жизни. Все диалоги основаны на моих четких воспоминаниях, хотя они не были записаны и не являются, соответственно, последовательными стенограммами. Я просто пересказала их так, чтобы они отражали подлинное ощущение и смысл того, что происходило, и сохранили суть, настроение и дух наших разговоров.

ГЛАВА 1

Первые двадцать лет своей жизни я провела в Колорадо, в городке под названием Лавлэнд, в сорока шести милях к северу от Денвера.

Мой отец был красивым и харизматичным мужчиной и сложным человеком. Профессор в Университете Колорадо, он занимался практической психологией. Воспитанию собственных детей он придавал первостепенное значение. Если мы с братьями приносили из школы оценки ниже А и В¹, нас ждал серьезный разговор. При этом он всегда побуждал нас следовать выбранному пути.

Дома он был ласков, весел, он любил нас, но, когда дело касалось наших успехов в школе или спорте, он требовал только блестящих результатов. Его страстная одержимость нашим успехом проявлялась временами настолько яростно, что становилось страшно.

В нашей семье не приветствовалось «развлекаться», все что мы делали, должно было расширять границы наших возможностей и приводить к лучшему

¹ Согласно системе оценивания знаний в школах США, соответствуют российским 5 (А) и 4 (В).

результату. Помню, как-то летом отец разбудил нас рано утром, чтобы отправиться всей семьей на велосипедную прогулку. «Прогулка» заканчивалась изматывающим, почти вертикальным подъемом на высоту в три тысячи футов¹ над уровнем моря, протяженностью в одиннадцать тысяч² футов. Моему младшему брату Джереми было тогда, наверно, лет шесть, и на его велосипеде не переключались скорости. У меня до сих пор перед глазами картина, как он крутит педали изо всех своих детских силенок, стараясь не отстать, а отец вопит, словно сирена, заставляя его и всех нас ехать быстрее и упорнее давить на педали. Мы не сме- ли жаловаться. Много лет спустя я задала отцу во- прос, в чем была причина его неистового стремления добиваться от нас запредельных результатов. Он за- думался. Трое его взрослых детей намного превзошли самые смелые ожидания. Он постарел, стал менее вспыльчивым и был больше погружен в себя.

— Одно из двух, — сказал он. — В своей жизни и в работе мне приходилось видеть, что этот мир делает с людьми, особенно с девушками. Я хотел обеспечить вам хороший старт, лучший из возможных. — Он по- молчал. — А может быть, я видел в вас возможность для воплощения самого себя.

Мама же учила нас состраданию. Она считала, что нужно по-доброму относиться ко всем живым суще- ствам, и сама представляла образец такого отноше- ния. Моя прекрасная мама — самый добрый и любя-

¹ Примерно 900 м. — *Примеч. пер.*

² 3350 м. — *Примеч. пер.*

щий человек из всех, кого я знаю. Мудрая и здравомыслящая, она не толкала нас к победам и завоеваниям, а побуждала мечтать, лелеяла наши мечты и помогала их осуществлению. В детстве я любила наряжаться в маскарадные костюмы, и конечно, Хеллоуин был моим любимым праздником. Целый год я с нетерпением ждала этого дня, придумывая, кем и чем хочу нарядиться. В мой пятый Хеллоуин я никак не могла выбрать между уткой и феей. Маме я сказала, что хочу быть уткой-феей. Мама и глазом не моргнула.

— Ну что ж, будешь уткой-феей.

Всю ночь она мастерила мне костюм. Конечно, я выглядела смешно, но именно так она учила нас самовыражаться, вдохновляла мыслить неординарно и искать собственный путь в жизни. Она чинила наши игрушки, косила траву на детской площадке, придумывала обучающие игры, устраивала для нас поиски сокровищ и не пропускала ни одного заседания родительского комитета. При этом она всегда прекрасно выглядела, а когда отец возвращался вечером с работы, у нее был наготове коктейль для него.

Оба они, и мама, и отец, внесли свой вклад в наше воспитание. Но то, что они были такими разными, сделало нас теми, кто мы есть.

Каждые выходные наша семья отправлялась кататься на лыжах. Мы набивались в джип и два часа ехали в Кистоун, где у нас была однокомнатная квартирka. И что бы ни случилось — метель, заболел живот, на

улице минус шестьдесят, — мы всегда выходили на гору. У нас с Джорданом были неплохие способности, но Джереми был просто виртуозом. В итоге на нас обратил внимание главный тренер местной команды по фристайлу. Мы начали тренироваться и вскоре даже приняли участие в соревнованиях.

Летние каникулы мы проводили, катаясь на водных лыжах, велосипеде, бегали, ходили в походы. Братья играли в детский футбол, бейсбол и баскетбол. Я начала участвовать в соревнованиях по гимнастике и бегать на пятикилометровую дистанцию. Мы постоянно были в движении, всегда учились быть быстрее, сильнее, энергичнее. Наша жизнь не вызывала у нас протеста — другой мы не знали.

Когда мне было двенадцать лет, во время забега на пять километров меня пронзила жгучая боль между лопатками. Все специалисты, осмотревшие меня, считали операцию на позвоночнике экстренно необходимой мерой. Они обнаружили у меня быстроразвивающийся сколиоз. Мои родители мучились неизвестностью семь часов, пока врачи разрежали меня сверху донизу, чтобы полностью выпрямить позвоночник (который представлял собой букву S и был искривлен на тридцать шесть градусов), извлекая кость из бедра, совмещая одиннадцать искривленных позвонков и соединяя их штифтами. А потом доктор мягко, но решительно проинформировал меня о том, что моя спортивная карьера закончена. Он зудел и зудел, перечисляя все, что я больше не могу делать, и объясняя, как именно я могу вести полноценную, нормальную жизнь, но я его уже не слушала.

Вариант бросить лыжи я даже не рассматривала. Катание было частью жизни нашей семьи. Год я восстанавливалась. Меня перевели на домашнее обучение, и большую часть времени я проводила в постели. Я с тоской смотрела, как семья отбывает на выходные без меня, зная, что они будут носиться по склонам или поедут на озеро, пока я остаюсь лежать дома. Я стыдилась своего корсета и вынужденных физических ограничений, чувствуя себя изгоем. И все сильнее во мне крепла решимость: я не дам операции сломать мою жизнь. Я стремилась вернуться к тому ритму, в котором жили остальные члены нашей семьи, мечтала снова гордиться своими достижениями и слышать от отца похвалы, а не слова жалости. С каждым проведенным в одиночестве днем я все больше и больше хотела вернуться к нормальной жизни. И как только рентген показал, что позвонки благополучно срослись, я сразу же бросилась в горы, одержимая яростным желанием добиться своего. В разгар сезона я уже побеждала в своей возрастной группе. В это время мой младший брат Джереми покорял мир лыжного фристайла. Ему было десять лет, и он уже был лидером в этом виде спорта. Кроме того, он показывал выдающиеся результаты в беговых лыжах и футболе. Тренеры говорили отцу, что им никогда не приходилось видеть такого одаренного ребенка, как Джереми. В нашей семье он подавал самые большие надежды.

Мой брат Джордан тоже был талантливым спортсменом, но что его действительно отличало от других — это ум. Джордан обожал учиться. Он любил

разбирать вещи на части и выяснять, как снова собрать их. Он не хотел, чтобы ему читали на ночь сказки. Он хотел слушать рассказы о реально существовавших людях. Каждую ночь у мамы была наготове новая история о великих правителях или гениальных ученых, реальные факты из жизни которых она вплетала в увлекательные рассказы.

С юных лет Джордан хотел быть хирургом. Мне вспоминается его любимая мягкая игрушка — собака по имени Дог. Он был первым пациентом Джордана. Дог перенес столько операций, что стал похож на Франкенштейна. Отец был в восторге от своего выдающегося сына и его целеустремленности.

Таланты и склонности моих братьев проявились в раннем возрасте, и я видела, что этим они заслуживали похвалы, о которых я так страстно мечтала. Сама я любила читать и писать, проводя большую часть жизни в мире книг, фильмов и своих фантазий. В начальной школе я почти не играла с другими детьми и была застенчивой неуверенной в себе тихоней. Мама, видев мою неловкость, поговорила со школьной библиотекарем. Тина Секавич разрешила мне проводить время в библиотеке, и следующие несколько лет я обреталась там, читая биографии женщин, которые сумели изменить мир, — Клеопатры, Жанны д'Арк, королевы Елизаветы и других (идею предложила мама, и я сразу же подхватила ее). Меня восхищали их смелость и решимость добиваться цели, и я сразу же поняла, что не согласна на обычную жизнь, я жаждала приключений и хотела оставить свой след в истории.

Когда мы с братьями достигли подросткового возраста, академические успехи Джордана по-прежнему намного превышали достижения его сверстников. Он был на два года младше меня, и, когда он сдал экстерном естествознание и математику, его перевели в мой класс. А Джереми ставил рекорды в беговых лыжах, вывел свою футбольную команду на чемпионат штата и стал местным героем. У меня были высокие оценки, я была хорошей, временами отличной спортсменкой, но мне все еще не удавалось раскрыть свои способности в той же степени, что и братьям, и во мне росло ощущение несостоятельности — ощущение, ставшее почти навязчивой идеей, и я была одержима желанием любым способом доказать, что тоже чего-то стою.

Мы росли, и я видела, что отец все больше посвящает себя участию в достижении целей моих братьев, я же оставалась в стороне и страдала от этого. Мне тоже хотелось быть в центре внимания и получать похвалы. Проблема была в том, что я продолжала мечтать, вдохновляясь героинями книжек, которые я читала. Мои честолюбивые стремления были за границами понимания моего прагматичного отца. Но я по-прежнему отчаянно желала получить его одобрение.

Однажды ранним утром, когда мы ехали в кресле подъемника на гору, я спросила отца:

— Джереми будет олимпийским чемпионом, Джордан станет врачом. А что же буду делать я, папа?

— Ну, что, ты ведь любишь читать и спорить...